

Библиографические ссылки

1. Мельситов В. В., Сергиенко Н. Л. Современная глобализация: теория и практика исследования // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2018. № 10. С. 335–344.
2. Крылов Д. А. Техногенная цивилизация и культура: основные тенденции развития в современном контексте // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
3. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002.

С. Н. Некрасов

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ВИРТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТРИЦАНИЯ

Аннотация: инновации в разных социально-экономических системах можно понять путем выяснения типа инноваций в производстве. Диалектика подлинной инновационной и несвободной деятельности выглядит так: в первичной формации господствует «идиотизм деревенской жизни», во вторичной происходит разделение между вынужденным трудом и самоосуществлением. Третичная формация предполагает инновации самоосуществления, когда труд перестанет уродовать человека. Во вторичной формации происходит формирование фетишей цифрового общества и виртуализации культуры. Бывает, что ни силы прогресса, ни силы нисхождения и регресса не понимают запрос истории и оформляют его как требование всемирного рынка. В условиях реверсивного движения истории инновации приобретают форму «оптимизации» и «цифровизации» как разрушения более высокого уклада.

Ключевые слова: инновации, три формации, вторичный капитализм, цифровизация общества, виртуализация культуры, «рехнувшийся англичанин», регрессивные инновации.

DIGITALIZATION OF SOCIETY AND VIRTUALIZATION OF CULTURE AND THEIR HISTORICAL NEGATIONS

Abstract: innovations in different socio-economic systems can be understood by finding out the type of innovation in production. The dialectic of genuine innovation and non-free activity looks like this: in the primary formation, the “idiocy of village life” dominates, in the secondary formation, there is a division between forced labor and self-fulfillment. The tertiary formation presupposes innovations of self-realization, when labor ceases to disfigure a person. In the secondary formation, the fetishes of digital society and culture virtualization are formed. It happens that neither the forces of progress, nor the forces of descent and regression understand the request of history and formalize it as a demand of the world market. In the context of the reverse movement of history, innovations take the form of “optimization” and “digitalization” as the destruction of a higher way of life.

Keywords: innovations, three formations, secondary capitalism, digitalization of society, virtualization of culture, “crazy Englishman”, regressive innovations.

Цифровизация общества и виртуализация культуры представляют собой новейшие инновации. Таких социально-технологических инноваций в истории еще не было. Возможны различные инновации в разных социально-экономических системах. Первобытное общество было в принципе неинновационным и лишь в период «неолитической революции» инновации взяли верх и вывели общество за пределы многотысячелетней стагнации. Динамику трех укрупненно понимаемых общественных формаций можно — с точки зрения научного материалистического понимания истории — понять с позиций выяснения типа инноваций в производстве материальной жизни и идей. В первичной (доклассовой, первобытной,

архаичной) формации доминирует материальная деятельность. В следующую эпоху — вторичную (классовую, экономическую) формацию — вместе с развитием техники, технологии, организации, знаний, идеальные моменты практической общественной жизни пробивают дорогу, и их доля в общей детерминации целостного человеческого бытия возрастает. Поэтому в качестве ведущей деятельности на этом этапе выступает динамически меняющаяся антагонистическая совокупность материальных и идеальных культурных факторов (рабовладельческое и феодальное традиционное, буржуазно-индустриальное общества).

В современном, так называемом информационном, обществе идеальные факторы в практической жизни людей играют еще более существенную роль, чем прежде. Эти идеальные факторы оказываются в цифровой упаковке, которой начинает соответствовать не объективная социальная реальность, а новая реальность виртуальных мыслей, чувств и людей. Это своего рода махизм нового столетия, когда все формируется в голове. Как писал Э.В. Ильенков, для махистов «те “фетиши”, которые считаются объективными формами внешнего мира, — и пространство, и время, и стоимость, и капитал, и т. д., и т. п. — суть только “фетишизированные” (обожествленные) формы коллективно-организованного опыта. Суть устоявшиеся формы консервативного сознания. Не сознания отдельного “Я” — нет!, — а Сознания с большой буквы, сознания всех людей без изъятия. Формы, откристаллизовавшиеся в общественном сознании и закрепленные силой привычки и традиции» [1, с. 95]. Но такая ситуация отлета мысли от реальности складывается только во второй формации — в антагонистическом обществе. Именно эту стадию виртуализации и получения цифровой оболочки борьбы — регрессивных и прогрессивных социальных тенденций — проходим мы сегодня в России и мире.

В будущем обществе, т. е. в третичной (бесклассовой, коммунистической) формации — наука как идеальное и духовное станет ведущей деятельностью и движущей силой исторического развития. Пока наука в нашей стране курируется правительством не по линии производства, а премьером по социальному развитию наряду с сервисом, здравоохранением. Ликвидировано ФАНО

и на днях создано министерство науки, которое рассматривает науку как отдельную отрасль наряду с другими. В СССР не было такого министерства, а был Госкомитет по науке, который не управлял институтами, а интегрировал их для решения глобальных прорывных вопросов. Цифровизация экономики и культуры рассматривается как цифровая форма управления узким содержанием отраслей и дисциплин.

В исторической перспективе диалектика подлинной — инновационной, т. е. творческой, свободной и неподлинной, т. е. отчужденной и несвободной деятельности выглядит следующим образом:

1. В первичной формации в силу примитивности средств производства имеет место господство всеобщего вынужденного труда и того, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли «идиотизм деревенской жизни», здесь духовное производство «непосредственно вплетено» в материальное.

2. Вторичная формация: с развитием производительных сил и производственных отношений возникает частная собственность и разделение общества на социальные группы, одна из которых в силу наличия излишков и частной собственности освобождается от вынужденного труда и получает возможность заняться самоосуществлением. Эта деятельность доставляет наслаждение избранным и богатым, в то время как основная часть населения вынуждена работать. Но как вынужденный труд, так и наслаждение приобретают односторонние и бесчеловечные формы.

3. Третичная формация: дальнейшее развитие производительных сил и производственных отношений должно привести к такому обществу, в котором все индивиды получают возможность самоосуществления, труд перестанет уродовать человека и приносить ему страдания, а станет его фундаментальной потребностью.

Такова теория исторической динамики возникновения инноваций в общественной и общинной жизни, в материальном и духовном производстве. Уничтожение социализма в ходе буржуазного переворота создает возвращение в прошлое — к капитализму и феодализму, причем капитализм, созданный на такой неестественной базе, оказывается мутантным и не способным к развитию. Возникает «рентное общество», в котором растет абсолютная прибавоч-

ная стоимость, возникает оптимизация, проводится приватизация и затем результаты расчленения общества оцифровываются, под контроль попадают перемещения, доходы граждан и трансакции, формируется электронная система налогов и пеней.

В какой момент происходит отлет мысли от реальности повседневной жизни — цифровой оболочки от социальной связи, виртуальных чувств от человеческих переживаний? Тут как с объективным идеализмом, который является чудовищным, ребячески-нелепым представлением о реальном существовании идеального наряду с материальным. Субъективный идеализм не менее нелеп, поскольку запрещает осмысливать объективные противоречия, и полагает их существующими в сознании субъекта: на практике студент, получающий «неуд», не полагает, что зачетки нет, «неуда» тоже нет, а профессор — продукт его воображения, связывающего в махистском духе в один непротиворечивый комплекс элементы нашего опыта, ощущения. Требования и запреты, по мнению исторических идеалистов, ничего в объективной реальности не отражают, поскольку они просто нормы работы с символами, точки зрения без истинного содержания. Именно поэтому поэты и писатели тревожатся: «Виртуальные мысли, Виртуальные чувства. В головах и в душе: Пусто-пусто, Пусто-пусто...»

Если стоять на позициях уникальности личности как носителя сознания в духе «Единственного и его собственности» М. Штирнера, то получается, что эта личность находится в мире виртуальных воображений. К. Маркс за неимением времени, стоя перед необходимостью разработки научной концепции истории, был вынужден оставить (как показал Л. Сэв) для будущих исследователей перспективу разработки социально-психологической теории классов и теории личности, основы которой он заложил в ранних трудах. В поздних трудах К. Маркс переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая основы научного понимания социального процесса. Перестройка в СССР начиналась с крена в рассуждения об общечеловеческих ценностях, личности, постиндустриализме, новом мышлении, правах человека и свободе от материального производства, использованных западными спецслужбами и манипулируемыми диссидентскими группами.

В истории бывает так, что ни силы прогресса — восхождения, ни силы и тенденции регресса — нисхождения не понимают запрос истории, уходят в виртуальный мир, а сегодня создают химеры постиндустриализма, зеленой экономики, цифрового информационного общества. Буржуазные революционеры с их лозунгом «свобода, равенство, братство» гонялись за химерами, которые возможны только при коммунизме, и когда потребности капитализма столкнулись с достижениями феодализма, произошла реставрация старого режима, когда были восстановлены все звания и привилегии. Как писал К. Маркс, французская нация почувствовала себя как «рехнувшийся англичанин» в Бедламе: прежний феодальный тупик повторился и оказался совершенно карикатурным. Он писал: «Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием ученых антикваров, и старорежимные, казалось, давно истлевшие, жандармы. Нация чувствует себя так же, как тот рехнувшийся англичанин в Бедламе, который мнил себя современником древних фараонов и ежедневно горько жаловался на тяжкий труд рудокопа, который он должен выполнять в золотых рудниках Эфиопии, в этой подземной тюрьме, куда он заточен, при свете тусклой лампы, укрепленной на его собственной голове, под надзором надсмотрщика за рабами с длинным бичом в руке и толпящихся у выходов варваров-солдат, не понимающих ни каторжников-рудокопов, ни друг друга, потому что все говорят на разных языках. «И все это приходится выносить мне, свободнорожденному бритту», — вздыхает рехнувшийся англичанин, — “чтобы добывать золото для древних фараонов”» [2, с. 121]. К. Маркс имеет в виду, что французы, пока они занимались буржуазной революцией, никак не могли избавиться от воспоминаний о Наполеоне и в итоге получили самого Наполеона в карикатурном виде. Возник «племянник» Наполеона, или новый Наполеон, в том виде и с теми ожиданиями, как он должен выглядеть в середине XIX в. Англичанин, как и вся банковская британская масса клерков, не мог отделаться от господствующей в головах современников идеи

добывания золота и представил ее в фантастической форме древних приисков, на которой он и сошел с ума. Но история запрещает бесконечные ухудшающие ситуацию повторения, коллективные иллюзии из прошлого и в итоге социальный застой. Реставрации сопровождают революции, маятник реставрации может охватывать десятилетия и столетия.

В современной России возврат к николаевской монархии задержался на столетие. При реставрации обычно отвергаются прогрессивные социальные изменения, но присваиваются материальные плоды этих сдвигов. Вместе с тем, когда заканчивается культурная реставрация прошлого и начинается реакционная социальная реставрация прошлого, возникает новая революционная ситуация. И тогда «вальсы Шуберта и хруст французской булки», царистские и монархические иллюзии, обожание дореволюционной николаевской России, переименование городов и областей, снос памятников революционного прошлого могут дорого обойтись нашей экономике, развитию ее промышленного комплекса. Точно так же миражи цифрового общества и виртуализированной культуры как прогрессивных инноваций в рамках реставрационной деградации общества являются еще одним тупиковым по форме продуктом эволюции высшей стадии капитализма в конце предыстории человечества.

Библиографические ссылки

1. *Ильенков Э. В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М. : Политиздат, 1980.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 8.